

ЕЛЕНА КОЛИНА

Любоф и Дружба

Елена Колина

Любоф и дружба

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=239772

Любоф и дружба: АСТ, Астрель, Харвест; Москва; 2009

ISBN 978-5-17-058376-8, 978-5-271-23446-0, 978-985-16-6908-6

Аннотация

Для одних это увлекательная, со всеми подробностями чувств и отношений, история. Мать семейства, помешанная на стремлении выдать замуж дочерей: умницу, красавицу и девушку «легкого поведения». Глава семейства – плохой муж и небрежный отец. Женихи – одним вертят, как марионеткой, другой горд не в меру...

Для других это литературная игра, любимый сюжет, наполненный современными реалиями и новыми неожиданными смыслами.

Для всех – три «И»: Интрига, Ирония, Искренность.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	39
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Елена Колина

Любоф и дружба

Сочинение Лизы

Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену...

Джейн Остен. Гордость и предубеждение

Все знают, что девушка, располагающая красотой, должна подыскивать себе мужа...

Я, Лиза

В тридцать лет кто замужем, тот замужем, а кто не замужем, тот не замужем.

Моя мама

Глава 1

Дома считается, что у меня легкий характер, и если есть недостатки, то обаятельные: я эгоистка, слишком чувствительная, очень обидчивая, и у меня излишне развито воображение. Мама говорит, что я отчего-то возомнила, что все должно происходить по-моему, и даже в ее жизни все должно происходить по-моему. Иногда я чувствую себя самым

незначительным человеком на свете, а иногда мне действительно кажется, что я обладаю особой силой, могу влиять на события, двигать людьми, как шахматными фигурами, как будто все вокруг – персонажи романа, а я одна настоящая. Мама говорит, что в юности люди часто думают, что они управляют миром, но скоро я пойму – не я управляю миром, а мир управляет мной. Не знаю, что она имеет в виду, я не позволю никому мною управлять!..

Вне дома считается, что у меня тяжелый характер: упрямая, с большим самомнением, с перепадами настроения, то чересчур общительная, то замкнутая.

Меня очень волнует, как все эти черты могут сочетаться в одном человеке и какая же я на самом деле? Мама говорит, что я слишком интересуюсь собой. Иногда я очень себя люблю, иногда ненавижу, а иногда люблю и одновременно ненавижу. Мама говорит, что в этом нет ничего страшного, что каждый человек в юности любит себя страстно, но неразделенной любовью. Не знаю, что она имеет в виду, но я – не каждый человек!..

Деление на тяжелый и легкий характер неправильно, упрощенно. Каждый человек представляет собой не одну застывшую монолитную личность, а несколько личностей, и чем ярче выражен каждый тип личности, тем человек ярче и интересней. И если посмотреть результаты моего теста – это не глупый тест из глянцевого журнала, а научно выверенный при помощи математической статистики, – во мне

много разных типов личности!

Я люблю быть одна, я очень люблю быть одна – в одиночестве можно думать без помех и делать все, что хочется. Но... что, собственно говоря, может помешать мне думать и чего я могу захотеть, что я непременно должна делать наедине с собой – есть варенье из банки руками или танцевать в маминной длинной юбке перед зеркалом?.. Я ненавижу быть одна.

Но люблю я одиночество или ненавижу – это факт моей личной жизни, а не биографии, потому что на самом деле мне совершенно невозможно побыть одной. В семье главное – любовь и внимание друг к другу, и у меня... у нас все это есть, и даже в избытке.

Говорят, что большие семьи ушли в прошлое. В прошлом остались милые семейные традиции: вечернее чаепитие на веранде под абажуром, чтение вслух, домашние спектакли, непритязательное музицирование – одна сестра играет, другая поет, третья переворачивает ноты, четвертая мечтательно смотрит вдаль... Прелестная картинка!

Но мы в нашей семье стараемся сохранить эту трогательную патриархальность – а что же нам еще остается, если наша семья еще не ушла в прошлое, если нас четверо, четыре сестры?..

Теплым майским вечером мы сидели на веранде и наслаждались кто чем: Женя любовалась цветущими в саду яблонями, Мария, как обычно, что-то читала, я... чуть не сказа-

ла «вышивала»... я читала книгу «Математический анализ и линейная алгебра».

А вот и домашний спектакль!

На веранду влетела Лидочка, прижимая к груди голубую кофту, и тут же вскочила Мария с возмущенным, но уже готовым к отступлению криком:

– Отдай, отдай, это моя кофта! Это мама мне купила!

– Нет, моя! – Лидочка спряталась за кресло и показала язык: – Бе-е, ме-е, рева-корова!

– Я не рева-корова. Дело не в кофте, а в принципе. Тебе, Лидочка, всегда достается все лучшее... Это несправедливо и прежде всего идет во вред тебе самой, – поучительно произнесла Мария.

Лидочка, не выходя из-за кресла, натянула на себя измятую в боях кофту, удовлетворенно улыбаясь, повертелась перед нами:

– Красиво? По-моему, супер!

Женя послушно кивнула, любуясь Лидочкой, притянула Марию к себе, прошептала:

– Я подарю тебе свои серьги, те, что тебе нравились, хочешь?

Мария заплаканно вздохнула – хочет. Уселась в кресло и принялась читать, но тут же подняла голову от книги, значительно сказала:

– Сенека говорил, что доказательства свойств характера можно извлекать из мелочей. Так вот, Лидочка всегда выби-

рает из вазы самое большое яблоко, всегда отнимает у меня новые вещи... Вывод: Лидочка – нахальная эгоистка.

Вот уж открытие. Если бы Сенека был знаком с Лидочкой, ему не нужно было бы извлекать доказательства свойств ее характера из мелочей, он мог бы просто сразу же признать. Лидочка – нахальная эгоистка.

Лидочка – нахальная эгоистка, обаятельная даже в своем эгоизме, а бедная Мария – необаятельная неэгоистка. Мария с детства отличница по всем предметам – ей были одинаково интересны математика, история, физкультура, пение, и она всегда как будто с поднятой рукой и снисходительно смотрит на всех со стороны, как отличница на прогульщиков. Неужели стремление к знаниям делает людей необаятельными?

– Зато я добьюсь в жизни всего... – убежденно сказала Мария.

– Чего? – смешливо спросила Лидочка. – Чего ты добьешься, ботаничка?

Ботаник – это подвид Homo Sapiens, любит учиться, встречается в библиотеках, музеях, часто носит очки.

– Что ты там изучаешь? Кому нужна эта твоя онто... чего?

Мария учится на философском факультете, и ее будущая специальность – «онтология и теория познания». Для постороннего уха это звучит немного странно и неконкретно, как будто Мария – средневековый ученый-схоласт. Отец говорит, что для ученых-схоластов было характерно доскональное изучение вопроса со скрупулезным рассмотрением всех

возможных случаев и высокая культура цитирования, – это характерно и для нашей Марии. Она постоянно цитирует и досконально изучает мир вокруг себя – у нее есть все энциклопедии, которые можно найти в книжных магазинах, включая энциклопедию вин и энциклопедию секса. Зачем ей энциклопедия секса – загадка, но уж такая она, наша Мария, – хочет все узнать и систематизировать.

– Онтология нужна всем! – возразила Мария. – Онтология – это эксплицитная спецификация концептуализации, где в качестве концептуализации выступает описание множества объектов и связей между ними. Формально онтология состоит из понятий, терминов, организованных в таксономию, их описаний и правил вывода... Аристотель считает, что...

– А-а! – зажав уши, завизжала в ответ Лидочка. – За-молчи, замолчи!.. – Лидочка вертелась, улыбалась и корчила смешные рожицы. – Я и без учебы добьюсь побольше твоего...

– Добьешься того, что станешь проституткой, – пробурчала Мария, и Лидочка юлой бросилась к ней, выхватила учебник философии и, запрыгнув на кресло, весело завершала:

– Я – проституткой?! А ты даже еще не целовалась! Тебе больше ничего не остается, только учиться! Тебе уже восемнадцать, тебе уже надо иметь целую кучу любовников, а ты еще даже не целовалась, ха-ха-ха!

– Не нужна мне твоя куча!.. И целоваться мне не надо...

– Врешь, целоваться всем надо!..

– Сама ты врешь, идиотка!

– Зануда, очкарик, а ну-ка попробуй отними свою дурацкую философию... Ой, мамочки! – вскричала Лидочка. – Женья! Эта дура Мария меня ущипнула!..

– Девочки, не ссорьтесь... – тревожно сказала Женья.

Мы стараемся поддерживать милые семейные традиции, потому что нас четверо, четыре сестры. Отчего же четверо, так несовременно много?.. Нас четверо не по родительской беспечности, не по религиозным соображениям, но потому, что родителям очень хотелось мальчика (как будто мы аристократическая семья и нам требуется наследник родовых земель), они все ждали и ждали мальчика, а у них родились мы.

Зато они могут утешаться тем, что мы, девочки, настолько разные, что некоторых из нас можно было бы считать мальчиками, например меня, – по выбранной мною профессии, а не по сексуальной ориентации. Если бы мама слышала, как я шучу, она была бы недовольна, – она считает, что я слишком много смеюсь, говорит «смешно дураку, что нос на боку», говорит, что я глупо шучу. Но у меня бывают в среднем три смешные мысли в минуту, а одна-две глупости на три смешные мысли не так уж много.

В нашей семье, как положено во всякой большой семье, имеется одна настоящая красавица – старшая, Женья. Она красавица не только по семейным меркам – быть краси-

цей по семейным меркам немногого стоит, – наша Женя действительно красавица.

Как описать красоту? Глаза, нос, рот – это ни о чем не говорит... Женя – золотая и розовая. Золотоволосая, с нежным розовым лицом, голубыми глазами, прозрачной кожей и такая аккуратная, что к ней можно приклеить надпись «стерильно». Но при всем этом кукольном антураже Женя не похожа на Барби, а похожа на ангела. У нее на лице проступает душа, и впечатление стерильности создается не от ее нечеловеческой аккуратности, а от чистоты ее души.

Тогда вопрос: почему Женины фотографии не украшают страницы модных журналов, почему она не модель, не актриса, не светская львица, не жена какого-нибудь олигарха и вообще ничья не жена? Да просто потому, что у каждого своя судьба. Женя не модель, не актриса, не светская львица и вообще не львица, Женя – застенчивый ангел.

Считается, что если девушка красива, то счастье или хотя бы личная жизнь у нее в кармане. Как бы не так! Женя – красавица, ее красоту и духовное совершенство оценит любой, но где он все это оценит?

Советы глянцевого журнала Жене не подходят: Женя слишком взрослая и сонная, чтобы ходить в ночные клубы (даже если считать, что именно в ночной клуб молодой человек отправится в поисках серьезных отношений), она не посещает дорогой фитнес-клуб, где могла бы встретить свою любовь на беговой дорожке, у нее нет машины, чтобы сде-

лать вид, что она сломалась, и чтобы какой-нибудь прекрасный принц ее починил... Остается только знакомиться на улице, но есть девушки, с которыми знакомятся на улице, а есть Женя. Ею можно любоваться издали, к ней никто не подойдет.

К тому же она работает в максимально неинтересном в смысле женихов месте – медсестрой в детской поликлинике. И даже там, в поликлинике, она не на людях, а в закрытой от взглядов лаборатории, делает клинический анализ крови и другие анализы. Так что даже если какой-нибудь олигарх или светский лев случайно принесет на анализ свою баночку в детскую районную поликлинику на Петроградской, он все равно не увидит розово-золотую красавицу, которая занимается его баночкой.

Почему у Жени такая ненарядная профессия? «Но ведь без анализов врачи не могут правильно поставить диагноз», – говорит Женя.

Не то чтобы Женя была тупицей, которой ничего не оставалось в жизни, кроме баночек. Она примерно училась в школе, но как ни заставляла ее мама поступать на престижный факультет менеджмента, обещая ей, что в этом случае она выйдет замуж за всех директоров иностранных компаний сразу, наша нежно-улыбчивая тихоня вдруг обернулась непослушницей и тайком отправилась учиться на медсестру. Это было странно – чтобы Женя перечила маме?! Она была так тиха и упряма, как будто знала что-то важное, но что?

Что без анализов врачи не могут правильно поставить диагноз?..

Женя слишком романтичная. Я люблю Женю больше всех на свете, но когда она взволнованно лепечет что-то о духовной близости, о любви-единственной-на-всю-жизнь и тому подобной сентиментальной чепухе, я готова ее укусить! Навивность, робость, восторженность – весь этот прелестный набор барышни девятнадцатого века сейчас не пригоден и даже опасен... Хотя, если что, у этого глупого романтического зайца всегда есть я.

Ох, чуть не забыла – Жене двадцать четыре года, Женя у нас на выданье.

Следом за Женей я – мне двадцать один. Женя – красавица, а я, я кто?.. Не знаю, как определить мое амплуа. Не красавица, тогда, может быть, умница?.. Я учусь в университете на прикладной математике, на кафедре «Теория вероятности и математическая статистика», мой диплом называется «Специальная теория относительности и релятивистская астрофизика»... Нет, все-таки умница у нас Мария.

Лидочка уверяет, что Марии только и остается быть умной, потому что она «очкастая занудливая уродка». До трех лет Мария была Машей, но в три года она надела очки и потребовала называть ее Марией. Мария действительно классическая дурнушка: маленькие глазки, толстенные щечки, носик картошечкой. Но она обязательно похорошеет с годами, ведь с годами на лице отражаются личностные качества

человека – на ее лице отразится ум, а также Сенека, Шопенгауэр и другие философы.

У нас никогда не было репетиторов, домашних учителей и даже возможности заниматься в кружках – мы ведь живем за городом, но на чердаке нашего дома огромная библиотека из семьи отца, так что те из нас, у кого было желание развиваться, имели эту возможность. «Те из нас» – это Мария. Мария читает как дышит, она читает всегда, не книгу, так учебник.

Ну, а те из нас, кто хотел бездельничать, имели полную возможность вырасти совершенно невежественными девочками, – Лидочка, к примеру, считает, что Сингапур находится в Индии, а сказку про Буратино написал Лев Толстой.

– Вы еще не знаете, а я иду в ночной клуб, – торжественно заявила Лидочка. – Меня пригласил один человек.

– Один человек – некрасивый, лопоухий, ниже Лидочки ростом... – мстительно отозвалась Мария и с надеждой добавила: – Мама тебя не пустит в клуб...

Лидочке пятнадцать лет, она учится в престижной гимназии на Петроградской, маме стоило больших трудов отдать ее туда, но она считает, что самое важное – с самого начала иметь «приличные знакомства», а не прозябать в обычной школе среди обычных детей, как когда-то мы с Женей и Марией.

– Ничего не лопоухий!.. – надулась Лидочка.

Лидочка... Отец говорит, что в Лидочке виден пылкий темперамент и умение во всем найти собственную выгоду. Лидочка... нет, лучше я пока не стану окончательно определять ее амплу, она ведь еще ребенок, а ребенку можно извинить легкомыслие, эгоизм, стремление к развлечениям и страстную любовь к платьям, кофточкам, белью, туфелькам, сумочкам... Трудно сказать, к чему Лидочка не испытывает страстной любви... возможно, к мужским фетровым шляпам. Да, пожалуй, к мужским шляпам она равнодушна. Так что у Лидочки есть шанс перемениться к лучшему.

Лидочка учится в девятом классе, но мы уже обсуждаем ее выпускное платье, а также выпускные туфли, выпускное белье – все выпускное, кроме выпускных экзаменов. Ну, а где Лидочка будет учиться дальше – об этом мы, как говорила Скарлетт, подумаем завтра. Пока что семейные амбиции по поводу Лидочкиного образования сводятся к тому, чтобы ребенок получил аттестат зрелости.

– Лидочка, хочешь, я расскажу тебе, что мужчины ценят во внешности женщин? – вкрадчиво сказала Мария. – А ты мне за это...

– Что ценят мужчины, что? – жадно спросила Лидочка. – Ну скажи, ну пожалуйста... Хочешь, я за это дам тебе надеть твою голубую кофту?.. Хотя тебе все равно не идет голубое, ты брюнетка, а я блондинка!

– За это ты сегодня ночью не будешь орать, чтобы я выключила свет, и дашь мне спокойно почитать хотя бы до

утра...

– Хорошо, но тогда ты поможешь мне накрутить бигуди перед сном, а утром накрасишь мне губы, а то у меня не получается ровно, – торговалась Лидочка.

Я не знаю, как эта странная парочка – Мария с книжкой и Лидочка с помадой и бигуди – существует в одной комнате, разве что Мария по ночам привязывает Лидочку к кровати и читает ей из древнегреческих авторов, а Лидочка накручивает Марии тайком волосы на бигуди и мажет губы помадой.

– Так вот. В Америке был проведен опрос с целью определить, что мужчины ценят во внешности женщин, – важно сказала Мария. – Было опрошено десять тысяч человек, и вопреки распространенному заблуждению выяснилось, что мужчины предпочитают брюнеток.

– Брюнеток? Не может быть! – разволновалась Лидочка.

– Также были развенчаны и некоторые другие мифы. – Мария демонстративно оглядела Лидочку. – Например, значительная часть мужчин не одобряет косметику. Ногти ярко-красного цвета, как у тебя, Лидочка, также несут отрицательный заряд. Опрошенные считают, что накрашенные девушки поверхностные или тупые и не способны составить счастье приличного молодого человека.

– Мне и самой такие мужчины не нужны. Так могут считать только ботаники, – уверенно ответила Лидочка.

– А мне не нужны другие. Я хочу, чтобы мужчина мог поговорить со мной о... например, о Шопенгауэре, – упрямо

сказала Мария. – Ну, и чтобы он был красивей, чем у тебя.

Чаще всего наши разговоры клонились к мужчинам, и мы уже давно выяснили: для Жени главное в мужчине – доброта, для Лидочки – чтобы было весело, для Марии – ум и чтобы было как у Лидочки. У Марии сложное отношение к Лидочке – она постоянно учит Лидочку и делает ей замечания, но одновременно соперничает и пытается подражать.

– У меня будет красивый муж, а у тебя некрасивый, потому я красивая, как мама, а ты очкарик, – по-родственному откровенно заявила Лидочка.

Наши родители оба красивые. На молодых фотографиях видно, что мама была хорошенькая, как кукла, но про взрослую женщину не говорят «хорошенькая», с возрастом у кукол миловидность облетает и остается лицо. Мама с возрастом стала хуже, на ее лице выступила простоватость, а отец – высокий лоб, умные печальные глаза – становится лучше и лучше.

Странная игра природы в нашей семье: Женя взяла от родителей самое лучшее, золотистой красотой удалась в мать, а тонкостью черт – в отца. Женя – красавица, мне выпал утешительный приз – «видна порода», Мария – откровенная дурнушка, а к Лидочке перешли мамины цветущая миловидность и простоватость.

И еще – в Лидочкиных чертах лица проступает что-то... Если бы Лидочка не была моя младшая сестра, я бы сказала, что у нее порочный рот. У мамы бывает такой рот, когда она

чего-то очень хочет и знает, как это получить. Но у мамы это проявляется лишь иногда, а у Лидочки всегда.

– Мне все говорят, что я красивая, – настаивала Лидочка.

Лидочка очень озабочена своей внешностью, но ее нельзя за это ругать – она еще ребенок. Когда я была младше, я тоже тщательно перебирала все отзывы о себе.

Ангел Женя говорит, что я о-очень красивая, но я не дура, чтобы поверить ей. Лидочка повсюду болтает, что все ее сестры, кроме Жени, чучела, значит, я все-таки чучело...

Учителя в школе говорили – «в этой девочке видна порода», но что это – порода? Длинноватый нос с горбинкой, высокий лоб, круто вырезанные губы, зеленые глаза и темно-рыжие волосы, не того цвета, за который дразнят «рыжий-рыжий-конопатый», а лисьего, – это порода? Я так долго рассматривала себя в зеркало, что мне начинало казаться, что девочка в зеркале – не я. И я мысленно описывала эту чужую девочку как будто другого человека: треугольное личико, глаза на пол-лица, немного слишком большой яркий рот, в общем, очаровательное лицо с неправильными чертами... Но все это было, когда я была подростком, и я уже давно не создаю пленительный образ себя, а просто смотрю в зеркало и вижу – мило, но ничего особенного.

– Девочки, вы не представляете, что у нас случилось! – Мамин голос звучал откуда-то сверху, словно ее дух парил в воздухе, и это был очень взволнованный дух. – Девочки, вы

не представляете, что у нас случилось! Лидочка, солнышко, как тебе идет кофта Марии! – Честное слово, мама произнесла эти слова, еще не появившись на веранде, – как она могла увидеть?

Впрочем, даже если мамы нет с нами в комнате, то она все равно есть, потому что мама у нас везде. Каждое слово, сказанное нами, становится ей известно, и каждый шепот, и каждая мысль... Это можно объяснить специальными свойствами пространства и времени, акустическими эффектами, а также маминым прекрасным слухом. Возможно, все еще проще: каждая из нас, кроме меня, секретничает с ней о своем и вольно или невольно выдает остальных. Или совсем просто: у мамы имеются шпионы, внедренные ею в наши головы.

На веранду вошла запыхавшаяся мама.

– Ох, мои дорогие, и еще раз ох. Лидочка, деточка, иди, я тебя поцелую.

Лидочка – мамина любимица, но мы почти не ревнуем, за пятнадцать лет привыкли.

– Сейчас вы все узнаете. Мы должны прямо сейчас все обсудить на семейном совете и выработать план. Где ваш отец?

Мама – бывшая хорошенькая куколка с печатью простоватости на лице. Мама – крупная женщина с властным лицом и тяжелой гривой волос. Мама – пышная легкомысленная красавица, из тех женщин, что никогда не перестают ощущать себя красавицами. Мама – располневшая растрепанная домохо-

зыйского типа в застиранном халате. Мама – женщина-подросток с волосами, завязанными в хвост, в джинсах и черном свитере.

Да-да, мама – хамелеон. У нее удивительная способность менять имидж в зависимости от обстановки. Затянутая в строгий костюм мама выглядит как руководитель завода или депутат, глядя на нее в кофточке с кружевными оборками, все говорят «а-ах!» – так жарко она пышет зрелой красотой, а в джинсах мама каким-то чудом кажется худенькой и меньше ростом и приобретает божественно-интеллигентный вид.

Сегодня мама выглядела властной и хлопотливой – это ее домашний имидж, в этом имидже она обычно выходит из дома по мелким надобностям – навестить соседей или в магазин.

– Где ваш отец?! – требовательно повторила мама.

Мама всегда так искренне возмущенно спрашивает «где ваш отец?!», словно не знает, что мы всегда внизу, а отец наверху. Наша жизнь протекает внизу – на первом этаже у нас кухня, гостиная, веранда и маленькие комнатки неизвестного назначения, в одной из них кладовка для овощей, в другой кладовка для лыж, в третьей кладовка для секретов – там стоит диванчик и можно протиснуться боком, упасть на диванчик прямо от двери и посекретничать. На втором этаже спальни – звучит, как будто речь идет об английском загородном доме, а на самом деле это три крошечные комнатки, – моя с Женей, Марии с Лидочкой и мамина. Мы – на

первом этаже и на втором, а отец на третьем, в голубятне. Отец проводит весь день и весь вечер, а иногда и всю ночь у себя наверху, в кабинетике – крошечной каморке, до потолка заполненной книгами и бумагами.

Наш отец – знаменитый ученый, один из лучших византинистов в мире. Правда, знаменит он только среди ученых-византинистов, а это очень узкий мир, – отец говорит, что византинисты малочисленны, как дальневосточные лесные коты. Отец – единственный ученый в мире, который специализируется на периоде от начала крестовых походов до падения Константинополя.

Интерес к истории и культуре Византии очень большой – я могу судить об этом по тому, что каждый год за отца борются несколько европейских и американских университетов – предлагают прочесть курс лекций. Также я могу судить об этом по огромной переписке – отцу приходят письма со всех концов мира. Отец отвечает на все письма, не только коллег и студентов, но даже маленьких любопытных мальчиков. Ну, и наконец, я могу судить об интересе к Византии по грантам, которые получает отец. Гранты идут на Лидочкины кофточки и остальные нужды; к примеру, недавний грант на изучение истории Никеи и Трапезунда был использован на ремонт крыши, мамину нутриевую шубу и новый диван... Гранты – это как бы зарплата отца за то, что он всегда сидит наверху, в своем кабинетике.

Я поднялась к отцу и попросила его спуститься вниз.

– Мама хочет сообщить всем нам что-то очень важное. Она сказала, твое присутствие обязательно.

– Передай своей матери привет, – вежливо ответил отец, глядя на меня.

Этот его подчеркнута внимательный взгляд на собеседника означает, что отец находится между 395 и 1453 годами – временем существования Романии. Романией называли Византию сами византийцы, и так называют ее многие историки.

– Ты подумай, Лиза, в этой статье одной из главных причин поразительных военных успехов арабов в борьбе с Романией и Персией в седьмом веке называют религиозный энтузиазм, и это после всех споров и достоверных доказательств обратного!

– Мама... – настойчиво растолковывала я, – мама, мама, мама...

Отец кивнул:

– Да-да. Совершенно не учитывают того, что Аравия находилась в безвыходном экономическом положении, и арабам необходимы были новые территории! Пусть это не единственная причина военных успехов арабов, нужно принять во внимание условия жизни византийских восточных и южных провинций – прежде всего то, что они были монофизитскими, но...

Я понимала, как это важно для отца, ведь после арабских завоеваний Византийская империя занимала всего лишь

территорию Греции и Малой Азии, тогда как до этого – все провинции Римской империи, Египет в Африке, а в Европе Фракию, Дакию, Эпир... Но мама хотела сообщить свою новость максимально торжественно, поэтому я еще несколько раз ходила парламентарием наверх и обратно.

– Передай своему отцу, что я требую его присутствия на семейном совете!.. Скажи, что это касается девочек, их жизни... и смерти!..

– Передай своей матери, что я не собираюсь спускаться вниз по пустыкам.

– Передай своему отцу, что он у меня узнает, как не являться на семейные советы... Скажи, что я сейчас поднимусь и выкурю его оттуда, как старую хитрую лису!.. Кстати, у лис очень развит материнский инстинкт. И отцовский, думаю, тоже. Даже лисы, казалось бы, совершенно дикие звери, и то не так равнодушны к своим девочкам, как он! Так и скажи – ему не удастся увильнуть от моей новости, я сейчас сама за ним приду!

Это была пустая угроза – отец чувствовал себя в полной безопасности. Единственная власть, которую он имеет в семье, это решительный запрет для всех заходить в кабинетик, для всех, кроме меня, – отец выбрал меня как связь с внешним миром. По понедельникам заходить в кабинетик разрешено маме, а девочкам, моим сестрам, – никогда. Отец держится со всеми нами ровно, никого не выделяя, и посторонний человек ни за что не догадается, что к Марии и Лидоч-

ке он относится иронически, к Жене ласково, но снисходительно. Только со мной отец разговаривает на равных, как со своим другом, я всегда была папиной дочкой, с детства обожала слушать его рассказы – гонки на колесницах, императоры, Цистерна Базилика... Цистерна Базилика звучит волшебно, это одно из самых крупных сохранившихся с древности водохранилищ, в нем нашли сорок цистерн.

– Мама очень просит, на одну минутку, и обещает больше никогда не беспокоить...

– Лиза, мне только что показалось, что твоя мать оставила меня в покое. И тут я обнаружил, что это опять ты с ее поручением. Однако я не имею права полностью отвергнуть и предыдущую версию, что тебя здесь нет и твоя мать позволила мне заниматься своими делами, – закрывшись от меня рукой, произнес отец.

Отец похож на классического ученого из старого кино, рассеянного чудака, чрезвычайно далекого от происходящего. Изредка я замечаю у него короткий острый взгляд, и тогда мне кажется, что отец все видит и понимает, но за этим тут же следует беззащитный нервный жест – отец выставляет ладонь у лица как защиту, как будто закрывается от всех.

– Скажи ей, что я заснул, умер, придумай сама, что хочешь, – бессильно сказал отец и внезапно изменившимся нежным соблазняющим тоном продолжил: – Хочешь, поговорим об аваро-славянском нападении на Балканские владе-

ния? В шестьсот шестнадцатом году при Ираклии?

Я спустилась вниз и доложила:

– Папа передал, что он обязательно спустится попозже, и просил начинать семейный совет без него.

– Ваш отец!.. Я больше не в состоянии жить в таком страшном одиночестве! – вскричала мама. – Я все сама, все одна...

– Но, мамочка, он же работает, – нежно возразила Женя. – Не сердись на него.

– Не сердись, – поддержала Мария. – Шопенгауэр утверждает, что умственный труд делает человека непригодным к заботам действительной жизни, особенно в обстоятельствах, требующих энергичной практической деятельности.

– Ну... если уж даже Шопенгауэр... – нерешительно протянула мама. – Ну, хорошо. Раз вашему отцу нет до вас дела и Шопенгауэр его поддерживает, я опять возьму все на себя.

Ангел Женя удивляется, как я могу подмечать смешные черточки в отце и маме. Говорит, что любовь к родителям немислима без уважения, почтения и так далее. Глупый ангел! Любовь без почтения ничуть не меньше!.. Хорошо, что нас четверо, и маме с отцом достается от всех нас разная любовь – и с почтением, и без!

– Вот что я вам скажу, мои дорогие: мы на пороге новой жизни, – возбужденно сказала мама, она любит говорить красиво. – Вы ни за что не угадаете, что мне сказала Ирка!..

Ну, приготовьтесь – раз, два, три – ку-пи-ли Дом.

Ирка – это тетя Ира, наша соседка и мамина подруга, она первая узнает обо всем, что происходит вокруг, а Дом...

Здесь нужно кое-что объяснить. Мы живем не в Петербурге, а в Лисьем Носу, ближайшем пригороде Петербурга, поселке на берегу Финского залива. Лисий Нос старше Петербурга, ему пятьсот лет.

Лисий Нос – это почти город, от Лисьего Носа до метро «Петроградская», то есть до центра Петербурга, всего двадцать минут на машине или маршрутке, если без пробок. И вся наша жизнь протекает в Петербурге. Лидочка учится в гимназии на Петроградской, Женя работает в поликлинике на Петроградской, Мария и я учимся на Васильевском острове. Правда, первые два курса я училась в Петергофе – математический факультет частично находится в Петергофе, по другую сторону города, и страшно вспомнить – на дорогу в университет у меня уходило три часа, но чего не сделаешь из любви к теории относительности.

Теперь самое важное. Дело в том, что Лисий Нос – особенное место. Этот ближайший к Петербургу поселок у Финского залива – очень престижное место, как московская Рублевка. Земля здесь очень дорогая, и цену на землю знает каждый местный мальчишка, бегающий по лужам в резиновых сапогах, – не так давно жители поселка изумлялись тому, что сотка стоит пять тысяч долларов, потом сотка стала стоить

десять, а теперь пятьдесят тысяч долларов.

Самую большую ценность представляют участки у залива. От залива пахнет плесенью, купаться в заливе нельзя, осенью и зимой такие страшные ветры, что кажется, наш дом вот-вот унесет в Волшебную страну, но земля у залива самая дорогая, а мы живем у самого залива.

Это означает, что наш огороженный покосившимся забором участок в двенадцать соток – две сосны, пять яблонь, куст красной смородины и клумба с нарциссами – стоит полмиллиона долларов. Маму это очень занимает, она, как все старые жители поселка, пристально следит за ценами на рынке недвижимости и удовлетворенно оглядывает свои сотки земли, словно пересчитывает деньги в кармане.

Мама любит обсудить, как мы распорядимся нашим виртуальным полумиллионом долларов, прикинуть, какую недвижимость в мире она может приобрести за наши двенадцать соток – две сосны, пять яблонь, куст смородины и клумба. Любит прийти с газетой и, деловито прищурившись, усталым голосом сказать: «Не знаю, что нам лучше купить – виллу в Чехии или апартаменты в Испании?..» В общем, мама, как и все жители Лисьего Носа, чувствует себя властелином мира.

Несмотря на заоблачные цены на землю, Лисий Нос все не выглядит как роскошное курортное поселение, Лисий Нос выглядит странно и негармонично – как человек во фраке и купальных трусах. У нас есть все: роскошные особ-

няки, замки с башнями, дворцы с колоннами соседствуют с несчастными скрюченными избушками и со скромными, из последних сил держащимися деревянными домами с облупившейся краской, как наш дом.

Такое разнообразие объясняется очень просто – земля потихоньку раскупается и застраивается, но именно потихоньку. Кто-то, как мы, просто живет в своих домах и не собирается никуда переезжать, кто-то не хочет продавать свой старый домик без водопровода и туалета – цены на землю так быстро растут, что люди боятся продешевить, продать дешевле, чем завтра продаст сосед. А некоторые участки просто невозможно продать – заброшенные дома, запутанные семейные истории, потерянные документы... просто раздолье для детективных историй в духе Агаты Кристи. Поэтому основная часть Лисьего Носа все-таки «старая», и особняки своей каменной роскошью как будто насильственно вкраплены в покосившуюся деревянную жизнь.

В поселке две жизни. Первая, патриархальная, которую ведут старые жители, – посплетничать у магазина, все про всех знать. В этом обществе есть своя иерархия, в которой мама занимает одно из первых мест. Вторая жизнь, за огромными кирпичными заборами, протекает отдельно от поселка, но жители поселка прекрасно осведомлены и о ней – потому что, как говорит мама, «от людей же никуда не скрыться».

Так вот, Дом. Этот дом всегда называли с особой почтительностью – Дом, и всегда было понятно, когда говорили о чем-то просто доме или же о Доме. Огромный, в половину гектара участок в соснах, бесконечная кирпичная ограда, причал и сам Дом – красивый, нисколько не похожий на краснокирпичные крепости, построенный как старый господский дом, и только одно напоминает о современности – бассейн со стеклянным куполом и стенами: плаваешь и видишь залив. Но там никто не плавал.

Мы имели к Дому самое непосредственное отношение – у нас был общий забор. Дом был обнесен высоким кирпичным забором, украшенным коваными решетками, но между нами забор был деревянный – высокий, плотный, без просветов, но деревянный, – тут проявился такт бывшего владельца, который был дружен с мамой и не захотел, чтобы на нашем скромном участке с одной стороны выросла кирпичная стена до небес, как Великая Китайская стена. Так что три стороны нашего забора были старые деревянные, а четвертая новая, и за ней – Дом.

Но это еще не все. Дом был построен на огромном, как парк, участке, но расположен так близко к нашему забору, что из окон второго этажа было видно как на ладони все, что происходит за чужим забором, вокруг Дома, и при желании можно было даже разглядеть, что происходит в самом Доме.

Разглядывать, впрочем, было нечего – хозяин давно жил за границей, Дом был необитаем и так долго стоял пустым,

что мы привычно обходили его взглядом, считая принадлежностью пейзажа вроде горки или рощицы, и вдруг... Неужели этот особняк купили? И кто же наши новые соседи?

– Женя, в первую очередь это касается тебя... Потом Лизу... – взволнованно перечисляла мама.

– Но при чем здесь мы? Почему нужен семейный совет? – удивленно спросила Женя. – Почему мы на пороге новой жизни?

– Все я, всегда все я... – вздохнула мама. – Девочки, вы хотя бы понимаете, что все всегда я? Я обо всем за вас думаю, обо всем волнуюсь... Вы что, не понимаете? Дом купил мужчина! Неженатый! А сейчас в Доме поселились двое мужчин! И второй, я точно не знаю, но может быть, он тоже не женат. Мы должны немедленно завязать отношения.

Ох... Сейчас мама деловито скажет, что мы должны как можно чаще попадаться им на глаза, главное, конечно, Женя, но я тоже, хотя с моим характером лучше никому не попадаться на глаза...

– Женя, ты должна как можно чаще попадаться им на глаза, – деловито сказала мама, – и ты, Лиза, хотя с твоим характером лучше никому не попадаться на глаза...

Лидочка молчала, но было видно, что и она не прочь попытать счастья на соседнем участке.

– А я? Я тоже хочу! – наконец не выдержала она. – Ну и что, что мне пятнадцать лет, зато у меня грудь в два раза

больше, чем у Марии, – я измеряла, и я самая веселая! – заявила Лидочка.

– Ну что же, девочки. У нас чрезвычайно выгодная позиция, у нас с ними общая граница, один выход к заливу. – Мама выражалась как опытный полководец. – Мы должны составить план действий по проникновению на соседний участок.

– Можно сделать подкоп, можно повиснуть на ограде с приветственными флагами, – предложила я. – Если хочешь, я могу проникнуть к ним в дом в качестве молочницы – молоко купим в магазине. А можно выдать нас замуж при помощи нашего кота... Кто-нибудь возьмет кота на руки, встанет на лестницу, приставленную к забору, и незаметно скинет кота на соседний участок.

– А что здесь плохого? – задумчиво сказала мама. – И через минуту к ним постучусь я и скажу – «у вас наш кот», а потом прибежит Лидочка и скажет – «у вас наша мама», а потом...

– Зачем же подвергать риску Лидочку и кота? Постучись к ним и скажи – «у вас наш муравей», – предложила я.

– Я скажу «у вас наш кот», – отмахнулась мама и, поняв, что я шучу, обиженно замолчала.

Я хотела сказать, что еще можно привлечь собак – у нас такса и пудель, можно научить таксу прорыть подземный ход, а пуделя... Но не успела – мама посмотрела на меня

взглядом «если ты думаешь, что теория относительности принесет тебе положение в обществе и обеспеченность, то ты просто дура...». Я ответила ей взглядом «не думаю, но мне и не нужно» – близким родственникам не обязательно произносить слова, можно просто посмотреть.

Я как-то нашла на чердаке потрепанную книгу в синем переплете и... Это была какая-то мистика! Я читала, и мне хотелось зажмурить глаза и потрясти головой: оказалось, что наша семья как две капли воды похожа на семью из романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение» – вот же мама, вот отец, вот мои сестры! Мать семейства помешана на том, чтобы дочери вышли замуж. И все было так мило, так прелестно, если бы не высветились скелетики. Один жених зависим и неумен, им вертят как марионеткой: сказали «можно любить» – любит, сказали «нельзя» – не любит, для его дамы это просто унижительно. Второй жених тщеславен и горд не в меру, отец семейства – плохой муж и отец, а вот глупая мать семейства вызывает жалость и сочувствие – она всего лишь хочет своим дочкам счастья, и ее неловкие интриги приводят к желаемому всеми счастливому финалу. Впрочем, девушки неплохо заботятся о себе сами.

Моя мама, как во времена Джейн Остен, считает, что замужество – это положение в обществе, уверенность в будущем и чувство защищенности, это черта, за которой «жизнь состоялась». Мамина цель в жизни – «быть не хуже людей»,

но мама хочет не только быть не хуже людей, но и стать лучше людей. Мама хочет выдать нас замуж, но не просто замуж и не просто удачно, а феерически удачно, за олигархов, медиамагнатов, иностранных аристократов и президента Российской Федерации.

– Некоторые вообще на рынке картошку продавали, а сейчас аристократки... – недоброжелательно сказала мама. Ей кажется, что кто-то отобрал нашу долю удачи. Но все же удачливые продавщицы картошки – мамин главный аргумент. Золотоволосой красавице положено суперзамужество, положено сказочное счастье, несмотря ни на что, ни на картошку, ни на баночки с анализами.

Особенную ставку мама делает на Женю – на меня никакой («у Лизы плохой характер, она слишком много смеется, слишком независимая, мужчины не любят независимых женщин») – и на Лидочку («вот кто сама выйдет в люди и всех сестер выведет»), ну а Марию «хорошо бы хоть кому-нибудь подсунуть».

– А я хочу выйти замуж, – вдруг сказала Лидочка.

– Почему? – с интересом спросила Мария.

– Просто хочу, и все. Может, муж купит мне бутик, и я там буду одеваться...

– Мама! Скажи ей! Я не желаю слушать глупости! – закричала я.

– Мама, скажи ей, что у современной девушки есть альтернативный путь для того, чтобы занять достойное место в

обществе... – начала Мария.

– Мама говорит, что если ты не выйдешь замуж в институте, то точно останешься старой девой! – хихикнула Лидочка. – Старая дева, старая дева!..

– Мама из прошлого века, из двадцатого, – надулась Мария. – Это в прошлом веке обязательно нужно было выйти замуж в институте, а теперь все изменилось! Мама! Зачем мыслящему человеку выходить замуж? У тебя есть логичный обоснованный ответ на этот вопрос?

На этот вопрос у мамы был логичный обоснованный ответ – она покрутила пальцем у виска.

– Мама, мама, мама! – толкаясь, кричали Лидочка и Мария.

– Мама, – тихо сказала Женя, намекая на то, что пора прекратить эту возню.

Мама рассеянно посмотрела на нас и погладила Лидочку по голове.

– Хорошо бы у них кто-нибудь тяжело заболел, тогда мы могли бы предложить им услуги медсестры, – мечтательно сказала мама. – А пока что хватит болтать! Вы все, шагом марш прогуливаться по заливу! Или нет, все остаются дома, лучше пусть Женя идет одна с задумчивым лицом!..

Женя ласково улыбнулась и прошептала:

– Бедная мама, мне так ее жалко, она так старается. – Какими бы глупыми ни были мамины наставления, ангел Женя еще ни разу не признала их глупыми, улыбалась, согла-

шалась и нежничала.

Мария подняла глаза от книги:

– Согласно научным данным, самый важный фактор привлекательности... угадайте, что именно?

– Одежда! – выпалила Лидочка. – Что, нет? Ну тогда обувь? Тоже нет? А что же тогда? Внешность?.. Губы должны быть блестящие, ноги длинные, грудь большая...

– Дура ты, Лидочка, – протянула Мария. – Самый главный фактор привлекательности – это частота взаимных контактов.

– Чего? – удивилась Лидочка. – Чем чаще контакт, тем лучше? Ни фиги себе, девочки, вы только послушайте нашу тихоню – контакты! Чем чаще контакт, тем лучше!

– Под частотой контактов подразумевается совсем не то, что ты подумала, а частота встреч, – фыркнула Мария. – Сейчас я вам объясню. Это нетрудно понять, даже ты, Лидочка, сможешь. Возьмите для примера дружбу. С кем мы дружим? С одноклассницами. Мы же не выбираем себе для дружбы девочек из другого класса, потому что уже находимся рядом с этими... А в кого люди обычно влюбляются? Никто не будет влюбляться в человека, которого никогда не видел, правда? Или в того, кого он изредка случайно встречает. Все влюбляются в студенток своего института, в тех, с кем вместе работают... Вот вам и «божественное предопределение». Ничего такого нет! Просто работает главный фактор – повторяемость встреч. Поняла, Лидочка-дурочка?

– На залив! – скомандовала мама. – Ладно уж, Лиза, иди и ты на всякий случай. Гуляйте и помните: вам уже скоро тридцать. В тридцать лет кто замужем, тот замужем, а кто не замужем, тот не замужем.

Ну почему нам скоро тридцать, если мне двадцать один год, а Жене двадцать четыре? Но мы стараемся не спорить с мамой по пустякам.

Мама отправилась к тете Ире обсудить старые новости и разузнать, не появилось ли новых. А мы с Женей действительно взяли собак и отправились гулять на залив. Не для того, конечно, чтобы начал работать фактор повторяемости встреч. Просто если не сделать то, что велела мама, она уляжется в темной комнате с невыносимой мигренью и мокрым полотенцем на голове. Я не раз замечала, как она хитро выглядывает из полотенца, но вдруг у нее и правда невыносимая мигрень? Лучше не рисковать, тем более сейчас четыре часа, наше время для прогулок по заливу – мы гуляем по четным.

Не подумайте, что нам с Женей разрешено показываться на заливе только по определенным дням или часам суток, конечно, нет. Просто в другое время нас могут съесть. У нашей соседки по имени Ада огромная злая собака, которая часто срывается с поводка и бегаёт по заливу с видом собаки Баскервилей... Собаку прозвали Исчадие Ады.

После нескольких неприятных инцидентов мы договорились: Исчадие Ады гуляет по нечетным часам суток, а

остальная мелочь вроде нас с Женей с таксой и пуделем – по четным.

Выходя за калитку, я оглянулась и, увидев отца в окне кабинета, сделала ему наш с ним тайный знак, который означает «путь свободен». Сейчас он, воспользовавшись тем, что мамы нет дома, спустится вниз за чаем и бутербродом и опять исчезнет у себя до позднего вечера.

– Ваша мать рассказала мне о своих планах, – сказал отец, когда мы вернулись домой, он был внизу и в чрезвычайно хорошем настроении, наверное, как-то по-новому объяснил военные успехи арабов в борьбе с Романией и Персией в седьмом веке. – Я со своей стороны принял посильное участие в устройстве вашей жизни – предложил вашей матери передать соседям наших девочек через забор.

Мама еще несколько раз заводила разговор на эту тему, но по тоскливому выражению лица, с которым она поглядывала на Дом, было件нятно, что она все еще не придумала, как ей быстро перекинуть нас через забор...

Может показаться, что все это говорит о маме дурно. Может даже показаться, что она – идиотка, обсуждает всерьез всякую ерунду, например выдать нас замуж при помощи кота. Но это не так. Наоборот. Мама прекрасно знает, что я шучу, но не обращает на это внимания, а мгновенно отделяет дурачество от смысла, и в ее мозгу с дикой скоростью

проносится – «а вдруг», «а что, если», «а почему бы и нет»... Действительно, а почему бы и не кот?

Маме бы полком командовать, а она всего лишь командует нашей жизнью. Но мы не самый благодатный материал: я слишком много смеюсь, Мария некрасивая, Женя совершенно не использует свою красоту, и одна Лидочка ее утешает – они вместе улучшают Лидочкину внешность, и не удивлюсь, если они вместе мечтают о женихах. Лидочка позволяет маме быть директором ее жизни, а все остальные – только администратором, не более того. Ничем другим я не могу объяснить мамино к ней особенное отношение.

Глава 2

– Идут! Они идут! Скорей! Они заходят! В калитку! Они уже тут! Все сюда! – кричала мама из своей комнаты. Только ее окна выходят на дорогу, и мы бросились скорей в ее комнату посмотреть в окно, что ее так испугало. Наверное, кто-нибудь не закрыл калитку и к нам на участок забрели соседские козы – мама боится животных.

Но это оказались не козы, а всего лишь трое незнакомых людей – двое мужчин и девушка; они, очевидно, перепутали адрес и теперь стояли, оглядываясь, но не смущенно, а словно не решив, проходить ли им или уйти.

– Мама, почему ты так кричала? Это же не козы... – недоуменно сказала я.

– Не козы?! Не козы?! Это как раз козы! То есть... Какие козы, это же они, из Дома!.. – отрывисто вскрикивала мама, нервно расстегивая и снова застегивая халат. Как назло, она была совсем без имиджа – просто в старом халате.

– Лиза, беги скорей переодевайся, и Женя, главное, Женя, – пусть быстро наденет то, в чем она была на Новый год... – приказала мама.

От волнения она совсем потеряла голову – почему Женя должна спешно нарядиться в то, в чем была на Новый год, – красный халат и колпак Деда Мороза? Зачем мне переоде-

ваться, если какие-то незнакомые люди забрели к нам на участок, как козы? Никто из нас, кроме мамы, не болтается по дому в затрапезной одежде, а отличить домашние джинсы от тех, в которых я сегодня была в университете, можно только по вытертым коленкам, ну, и еще по большому черному пятну – пятно осталось после того, как я свалилась с велосипеда прямо в лужу мазута.

Я вышла во двор вместе с таксой и пуделем, приветливо улыбаясь и мечтая, чтобы незнакомцы ошиблись и им были нужны не мы, а кто-то другой.

– А ваша мама нас приглашала... Скучно, в город ехать неохота, вот мы и зашли... – небрежно сказала девушка, высокая худая брюнетка с мелкими чертами лица, достаточно красивая для своей красивой одежды. Она без улыбки осмотрела меня, задержавшись взглядом на мазутном пятне, перевела взгляд вниз и чуть заметно усмехнулась – я выскочила в огромных пушистых розовых тапочках-зайцах. На одном заячьем ухе висел пудель, на другом – такса.

Девушка мне не понравилась – невежливо говорить людям, что заглянул к ним потому, что не нашлось ничего более интересного. И усмехаться невежливо – надо признаться, я выглядела совершенно по-домашнему, но если люди приходят в гости внезапно, они должны быть готовы, что их встретит чучело в мазутных пятнах и розовых зайцах, на каждом по собаке.

Девушка представилась Алиной, а ее брат Вадиком, но

она тут же его поправила, сказав, что Вадиком его называют свои, а для обычных людей он Вадим. Она так и сказала – «для обычных людей», а он улыбнулся и еще раз представился – «Вадик».

Вадим был приблизительно моих лет – чуть больше двадцати и был похож на Есенина, вернее, на дружеский шарж на Есенина – невысокий, крепкий, светловолосый, с милым петушиным чубчиком, лицо приятное и улыбка хорошая. Бывают люди, которые сразу же располагают к себе, добродушные, искренние, и если в них не обнаруживается больших пороков, они такими и оказываются.

Второй, Сергей, был постарше, около тридцати. С мужской красотой всегда сложно, сказав «красивый мужчина», ничего, в сущности, не скажешь, – он может быть и томным красавчиком, какие нравятся Лидочке, и мачо, и положительным киногероем. Сергей был не томный красавчик, не мачо и не киногерой, он был самый обыкновенный «красивый мужчина», высокий, широкоплечий, темноволосый, с лицом... На его лице были глаза, нос, рот, все, как у всех, кроме подбородка – подбородок уж слишком выдавался вперед, намекая на сильный характер своего обладателя.

Манеры его были не такие располагающие, как у Вадика: если Вадик пришел с желанием подружиться, то Сергей держался покровительственно, словно подсмеиваясь над всеми и самим собой, очутившимся в нелепой ситуации. В общем, было очевидно, что он бесцеремонный, жесткий человек –

один подбородок чего стоит.

– Приятно было познакомиться, а теперь мне пора домой... – сказала я, как будто это я была у них в гостях.

На крыльцо вышла Женя, за ней маячила мама с нарядным лицом, она так демонстративно вывела Женю и так радушно улыбалась, что я тут же разозлилась на ее неуместную взволнованность. И вдруг я увидела чудо!.. Настоящее чудо – любовь с первого взгляда. Нет-нет, это не мама влюбилась с первого взгляда в Сергея или Вадима... Кстати, мама так и выскочила без имиджа – не успела переодеться, потому что ринулась за Женей и вытолкнула ее на крыльцо.

Женя стояла на крыльце, на фоне потемневшего дерева, и была золотая и розовая, как никогда. Золотые кудри до плеч, нежный румянец, удивленные глаза – мама явно вытащила ее, как сержант новобранца, не дав ей опомниться, и вид у нее был такой, будто золотое облако подняли с постели. Вадик – он был, конечно же, Вадик, а не Вадим, – смотрел на Женю, как наш кот перед прыжком, расслабившись и одновременно собравшись, а Женя смотрела на него и улыбалась застенчиво.

Гости отказались от настойчивого маминого предложения пройти в дом, и мы расположились на крыльце, на лавках друг напротив друга, как на деревенских танцах, – на одной лавке девочки, на другой мальчики, такса пригrelась на коленях у Вадика, пудель заполз под лавку, а мама стояла посередине и умиленно смотрела на нас.

Вадик взял с крыльца забытую книжку «Математический анализ и линейная алгебра» и, держа ее двумя пальцами, брезгливо, как что-то гадкое, – с опаской спросил:

– М-матем-матика? Это к-кто же из вас т-такая умная?

– Это моя дочка Лиза, – заторопилась мама, указывая на меня. – Да, правда, это же уму непостижимо, как у меня получилась такая умная дочка...

Сергей насмешливо блеснул глазами, и тут я уже полностью убедилась – какой неприятный человек! Я имею право замечать глупые ляпы своей собственной мамы, а он нет! По отношению к чужим мамам нужно быть тактичнее!

Вадик с облегчением взглянул на Женю – обрадовался, что не Женя изучает линейную алгебру, и признался нам, что по математике у него была самая низкая оценка в колледже, впрочем, как и по другим дисциплинам, по всем, кроме истории.

– Колледж? Это что-то вроде техникума? Ну и правильно, многие и без высшего образования прекрасно живут, – горячо поддержала мама, и Алина, фыркнув, сообщила, что «техникум» Вадика находится в Лондоне.

– Среди людей нашего круга принято получать образование в Англии... Отец хотел, чтобы он учился с людьми своего уровня, – сказала Алина.

– А какой ваш уровень? Если сравнить с олигархами? – оглянувшись на Дом, с любопытством спросила мама.

– А вы, Женя, где учитесь? – вместо ответа поинтересо-

валась Алина.

Женя рассказала о своей работе в поликлинике. Помому, они онемели от ужаса, вообразив Женю с баночками, Вадик вежливо улыбался, Алина кривилась и насмешливо переглядывалась с Сергеем.

В полной тишине мама довольно прошептала мне на ухо: «Это все я! Я к ним забежала по-соседски, посоветовала, кого из поселка нанять в прислуги... ну и пригласила заходить». Но мама не умеет шептать тихо, и в ответ на мой упрекающий взгляд она еще громче прошептала: «Вот видишь! Женя ему очень понравилась. У них все сложится, я чувствую, я знаю...» Это было так ужасно стыдно, что я уже не испытывала неловкости от маминых оплошностей, а просто кивнула, как будто у нас так принято – громким шепотом строить планы на гостей.

– Мама рада, что вам понравилась наша Женя, – громко сказала я. – У мамы страсть всех знакомить, а лучше сразу женить...

Вадик широко улыбнулся, снимая общее напряжение и всем своим видом говоря – мне очень нравится Женя и все мне здесь нравится, и тут же взглянул на Сергея, как послушный ребенок на воспитательницу, желая убедиться, хорошо ли он себя ведет.

– Лиза шутит, – принужденно улыбнулась мама. – Она у нас все время шутит невпопад. Ну, вообще-то я считаю, молодежь должна вместе проводить время... Вот и тетя Ира хо-

тела свою Люду с вами познакомить, хотя Люда – некрасивая девочка, не то что моя Женя... В Женю все влюбляются и предложение делают, но она очень скромная девочка, такие, как моя Женя, сейчас редкость...

– Мама, пожалуйста, – порозовев, прошелестела Женя.

Алина засмеялась и, пытаясь приглушить смех, закашлялась, и мама, внимательно поглядев на Алину, мягким уютным голосом спросила:

– А что это вы кашляете? И бледненькая?.. Да что это я на «вы» да на «вы»! Ты давно так кашляешь, деточка? А температуру мерила?

– Вы мне? – растерялась Алина. – У меня недавно было воспаление легких, а что?

– Расскажи мне, как тебя лечили.

Мама уселась между Женей и Алиной, и они с Алиной выпали из общего разговора. До нас доносились Алинины слова – антибиотики, банки, йодная сеточка, гланды – и мамино ласковое жужжание.

Мама обладает особым талантом – у нее талант эмоционального соучастия, иначе говоря, люди мгновенно вступают с ней в интимно-дружеские отношения. Директриса гимназии вызывает ее, чтобы сказать – двоюроднице Лидочке не место в гимназии, но не проходит и нескольких минут, как директриса уже рассказывает ей о своей ужасной невестке. Лидочка учится в гимназии только благодаря ужасной невестке директрисы, продавщица в нашем магазине в Лисьем Носу

оставляет маме все самое свежее, а иногда мама включает свое обаяние, чтобы получить какую-то труднодостижимую справку, иногда ей хочется побольше узнать о ком-то из наших знакомых...

Я много раз видела этот мамин фокус и пыталась проанализировать ее поведение. Мама принимает позу собеседника, дышит с ним в унисон, смотрит особенным теплым взглядом, вытягивающим из человека признания, словно говорит – «смелее, я вас пойму»... но во всем этом есть еще что-то неуловимое – талант. Откуда мама знает, что директриса хочет поговорить о невестке, а эта незнакомая ей Алина – о болезнях? Никогда я этого не пойму.

– Я... у меня... – Алина, наклонившись к маме, что-то шептала ей на ухо.

– Деточка, я тебя очень понимаю, – прочувствованно сказала мама.

Она не притворяется, она и правда понимает. Иногда мама пользуется своим даром совершенно бескорыстно, просто потому, что вдружиться в кого-то, обаять, стать близкой – это ее стиль. Иногда она вступает в интимные отношения в корыстных целях, к примеру, сейчас – она хочет любыми силами подружиться с этими людьми. Но при такой своей корыстной цели она искренне, всей душой сочувствует чужой Алине, страстно интересуется ее гландами, – может быть, в этом и есть секрет?

– Женечка, дорогая, Вадику наверняка хочется прогу-

ляться по нашему участку... Покажи ему... яблони, смородину, клумбу... – предложила мама.

Ну, а иногда в нее как будто вселяется дурак, и она делает промах за промахом – как сегодня.

У калитки появилась Лидочка.

– Что это она так рано? – удивилась мама, взглянув на часы.

Обычно Лидочка болтается по магазинам до закрытия, поэтому ее приезд из города можно рассчитать поминутно.

– Сапоги! Такие сапоги! Видела! Мечта! Купи! – не обращая внимания на гостей, от калитки верещала Лидочка.

На крик на крыльцо вышла Мария с книжкой в руках.

– Теперь все мои девочки в сборе... – сказала мама, и Алина заговорщицки прошептала Сергею с показным ужасом: – О боже, сколько же их тут?

– Ох, у вас сумка Gucci, она тысячу евро стоит, у нас у одной девочки такая есть, она на распродаже купила за пятьсот, а вы свою за сколько купили? – с этими словами Лидочка присоединилась к обществу. Лидочка хищно поглядывала на Алинину сумку и наконец попросила посмотреть. Алина снисходительно поглядывала на Лидочку, сумку не дала, но вытащила из сумки брелок и подарила ей. Лидочка взвизгнула от восторга: – Ой-ой! У меня будет настоящий брелок Gucci! – Она вела себя как туземец, а Алина – как будто она миссионер и принесла туземцам подарки – леденцы.

Попрыгав с брелоком, Лидочка уселась между Вадиком и

Сергеем, кокетливо вытянула сначала одну ногу, потом другую, сообщила, что умирает от усталости и виноваты в этом новые туфли – вот какие каблукы, стерла ноги до крови...

Лидочка – человек-проблема. Высокие каблукы – вывихнула ногу, делала маникюр – сломала ноготь, поела в гостях – болит живот... Все детство она провела замотанная в платок – уши, и с палочками в носу – насморк, так и ходила с оттопыренными из-за компрессов ушами и палочками в носу, как инопланетянин. Чем больше проблема, тем больше любви... Но Лидочка и сама с детства вела себя так, как будто она единственная: при малейшем подозрении, что она не предмет восхищения, она плакала, требовала, возмущалась. Вот только в гимназии Лидочке не удалось стать главной – у одной девочки платье Valentino, у другой сапоги Prada... Все эти подробные сведения Лидочка приносит домой ежедневно.

Бедная мама, это же нормальное человеческое желание – «быть не хуже людей». Но ведь это смотря каких людей мама хочет быть «не хуже»!.. Мы не бедные, как, например, тетя Ира. Отец читает лекции в западных университетах, и этого достаточно, чтобы мы все могли учиться. Мы иногда ездим за границу – когда отец едет на конференции, он по очереди берет с собой маму, Женю и меня. Но нам никак невозможно, чтобы Лидочка могла быть в гимназии «не хуже людей». Поэтому они с мамой обсуждают, где купить Лидочке такое платье и такие сапоги, чтобы была подделка под Valentino и

Prada и никто в классе не узнал, что это подделка.

Мама делит Лидочкиных подружек на подруг первой категории и второй категории.

Перед подругами первой категории, дочкой директора банка и дочкой директора телеканала, мама как будто немного стыдится нашего дома и старается представить все в лучшем свете – накрывает стол со свечами, специально ездит в город за пирожными, хотя обе девочки на диете. А с подружками второй категории она просто мила и душевна, как со всеми. Я бы на Лидочкином месте возненавидела ее за это или перестала приводить домой и тех и других, но Лидочке хоть бы что. Это у меня тяжелый характер, а у нее легкий.

– Мама, мне нужны деньги! У меня нет ни копейки! – сказала Лидочка.

Лидочка могла бы потерпеть и не выпрашивать при посторонних, но она не может потерпеть: деньги – ее больная тема.

У Лидочки сложные отношения с деньгами – никто из нас не бывает так беден, как бедная Лидочка, – у нее всегда «нет ни копейки». Но ни у кого из нас нет и стольких не терпящих отлагательств нужд, как у нее. Посудите сами, вот, к примеру, расклад расходов на субботу: суши-бар с подружками, кино, такси доехать до дома – что же тут лишнего?!

Мне не стыдно сказать, что у меня нет денег на суши-бар или на такси. А Лидочке стыдно, и из-за того, что она та-

кая тонкая натура, деньги Лидочке дают все: мама из хозяйственных нужд, Женя из своей зарплаты – ангелам деньги не нужны, я – из денег за репетиторство, которым зарабатываю себе на личные расходы, Мария – из ее собственных карманных денег. Мария могла бы жить в бочке, как Диоген, и оттуда вещать, она рассеянно донашивает вещи за Лидочкой и поэтому иногда выглядит странно, как будто Диоген вылез из бочки и собрался на дискотеку. А Лидочка... если бы Лидочка могла, она обобрала бы нашего кота, таксу и пуделя.

– Мы ходили... это стоит... а ты дала мне... а завтра мы пойдем... это стоит... а еще я хочу купить... В общем, дай мне деньги!.. Почему не сейчас?! Какая разница, когда? Нет, дай сейчас!.. – постанывала Лидочка.

– Эпикур разделил человеческие потребности на естественные и неестественные, *victus et amictus*, – поучительно сказала Мария, решив, что ей пора принять участие в беседе. – Естественные потребности – это пища и одежда, их легко удовлетворить. Неестественные потребности – это потребности в роскоши, они не имеют границ. С другой стороны, Шопенгауэр определяет естественные потребности лишь как относительные блага, *agatha prosi ti*, и только деньги как абсолютное благо, так как они отвечают не одной потребности *in concreto*, а потребности вообще *in abstracto*...

– Шопенгауэр излишне значительно говорил об очевидных вещах. – В дверях показался отец с таким рассеян-

ным видом, словно сомневался, выходить из дома или нет. – «Афоризмы житейской мудрости», которые ты так любишь цитировать, Мария, безнадежно устарели. Прочитай хотя бы «Мир как воля и представление», иначе ты выглядишь напыщенной глупышкой и профаном.

Мария, покраснев, вскочила и ушла в дом, через минуту вернулась и, стоя на пороге, пробубнила: «Ничего не устарели», – и ушла окончательно.

– Мария у нас как Галилей, ей непременно нужно оставить за собой последнее слово: «А все-таки она вертится», – улыбнулся отец.

Сегодня все словно специально продемонстрировали, какое мы неординарное семейство: суетливая мама, невоспитанная Лидочка, зануда Мария, нетактичный отец.

– Это они, из Дома, уж будь добр, прими их полюбозней, – страшным шепотом прошипела мама, и отец ласково улыбнулся гостям:

– Вы, кажется, прибыли к нам издалека?

– Нет-нет, мы п-приехали из Москвы, – вежливо отозвался Вадик.

– О-о, ну да, да. Современная техника так сокращает расстояния, что вы, очевидно, смогли добраться за двое-трое суток? Вы прибыли морем?

– Мы... э-э... мы из Москвы. П-приехали, – пробормотал Вадик, растерянно оглядываясь на Сергея. Сергей, пожав плечами, показал глазами – «разбирайся сам с этим чу-

даком».

– Мы п-приехали из Москвы, – громко повторил Вадик.

– Да-да, я понял, – приветливо подхватил отец. – Ну-с, молодые люди, и как там у вас охота? С одной стороны, безграничные возможности – слоны, носороги, львы, буффало, леопарды. С другой стороны, представление о том, что у вас бродят непуганые стада, сильно преувеличено... Охота на львов, знаете ли, имеет свои тонкости...

Отец пробыл с нами на крыльце несколько минут, и все это время, как и просила мама, был необыкновенно любезен. И старательно, без единой оплошности изображал полную уверенность, что наши гости прибыли из Африки.

Ну что же, каждый имеет право на свою форму протеста. На молодых фотографиях отец – тонкий одухотворенный мальчик, а сейчас он тонкий одухотворенный пожилой человек, целиком погруженный в себя и Византийскую империю, и единственное его желание – не иметь никакого дела с социумом. Но изредка ему все-таки приходится спускаться вниз, и тут – такая неожиданность – мама, четыре дочери и «они, из Дома»! Бедный отец.

Отец пожелал гостям по прибытии на родину особенно остерегаться носорогов. Мама небрежно улыбалась и важничала, готовясь войти в имидж снисходительной жены гениального ученого, которому за его гениальность все позволено, но гости торопливо встали и начали прощаться, так и не узнав, что отец ученый, а не сумасшедший.

– Что вам еще посоветовать?.. Когда вернетесь домой, уделите внимание изготовлению чучел из добытых вами трофеев, – напутствовал отец. – Не забудьте, что ценность трофеев определяется прежде всего размером рогов, шкуры, черепа... Да, чуть не забыл, имейте в виду, что большой африканский куду предпочитает горы.

– Но мы в Москве... – беспомощно оглянулся вокруг Вадик.

– Помните, что африканские куду только на первый взгляд кажутся безобидными, – озабоченно предупредил отец и, немного помедлив, задумчиво добавил с видом человека, максимально исполнившего долг гостеприимства: – Будете в наших краях – заходите. Но помните – столь любимый Марией Шопенгауэр считал, что любое общество таково, что меняющий его на одиночество совершает выгодную сделку.

С этими словами отец исчез в доме.

Мама как-то странно смотрела на меня и что-то показывала лицом.

– Мама, что ты все время подмигиваешь? Я должна что-то сделать? – спросила я.

– Они сейчас уйдут! Приглашай их скорее на ужин... – прошипела мама. – Оставайтесь на ужин... У нас сегодня на ужин... Что у нас сегодня на ужин? – суетилась мама.

– Кефир и шесть булочек, – назло сказала я.

От кефира и булочек гости смешливо отказались и, по-

прощавшись, двинулись к калитке. Вадик оглядывался, виновато улыбаясь и разводя руками, как будто желая сказать, что с удовольствием разделит бы с нами кефир и булочки. Он очень милый человек, из тех, которые всегда чувствуют ответственность за ситуацию – в отличие от своего друга.

– В любое время! Мы всегда рады! Хоть днем, хоть ночью!.. – нервно вскрикивала вслед гостям мама.

Мама в халате представляла собой фигуру почти шекспировскую – она старалась оставаться приветливой, но на ее лице отражались отчаяние и обманутые надежды.

На этом история с гостями не закончилась.

Не прошло и десяти минут после ухода гостей, как в нашу с Женей комнату вбежала возбужденная Лидочка.

– Мне удалось подслушать такое, такое!.. – кричала Лидочка.

За ней следовала Мария с безразличным лицом – у нас дома никто не может остаться в стороне от интересного, и даже Мария, как бы она ни притворялась безразличным к суете философом, всегда хочет во всем участвовать.

– Женя, ты должна дать мне надеть свою кожаную куртку, тогда я скажу, что они про тебя сказали! – торговалась Лидочка. – Лиза, ты должна дать мне поносить свою сумку, тогда я не скажу, что они про тебя сказали!

Глупые девчонки прятались в кустах у забора – Лидочка удаляется в кусты покурить и обязательно берет с собой Ма-

рию. Лидочка картинно пускает дым, а Мария любит Лидочкой и смотрит, не идет ли мама. Лидочкино курение – это такая кокетливая игра, с Марией она играет, что она взрослая, а с мамой – что она еще маленькая и боится, что та увидит ее с сигаретой. На самом деле мама прекрасно знает, что Лидочка курит.

Так вот, выйдя за калитку, гости тоже остановились покурить, и разговаривали они достаточно громко, чтобы Лидочка с Марией слышали все до единого слова. Этот подслушанный разговор девочки и передали нам в лицах. Вернее, Лидочка передала – у Марии нет актерских способностей, а у Лидочки есть.

– Беднота многодетная, – презрительно сказала Лидочка за Сергея.

– Да уж, нормальные люди не заводят четверых детей... Эта женщина уверяла, что у нее красивые дочки. Интересно, кого она имела в виду?.. Ну, допустим, медсестра довольно миленькая, хотя лично я не люблю такую внешность – невзрачная блондиночка... – сказала Лидочка за Алину специально противным голосом.

– Я еще никогда не видел такой красивой девушки, как Женя, – сладким голосом героя-любownika сказала Лидочка за Вадика, закатив глаза.

– Медсестра – милая девушка и, безусловно, красива. Ну, а рыжая овца не стоит даже того времени, которое мы провели в этом странном доме, – холодным тоном сказала Ли-

дочка за Сергея и добавила уже от себя: – Лиза, это он про тебя сказал «рыжая овца»!

– Не ври! Не ври!.. Он сказал: «Рыжая овца и все остальные не стоят того времени, которое мы провели в этом странном доме», – поправила Мария. – Он не только про Лизу так сказал, а про всех нас!

– Про всех вас. Он сказал «рыжая овца и все остальные», но подумал – «все, кроме хорошенькой, очаровательной Лидочки», – холодно поправила Лидочка. – Женя, он в тебя влюбился. Тебе стоит только руку протянуть, и он твой!

– Кто? – Женя, мгновенно покраснев, рефлексивно прижала руки к щекам. – Кто мой?

– Не кто, а что. Дом, – хихикнула Лидочка.

– Как тебе не стыдно, – хором сказали мы с Женей.

– Чего это мне должно быть стыдно? – сказала Лидочка и унеслась со словами: «Пойду все расскажу маме».

Должно быть, на моем лице ясно выражалось все, что может чувствовать человек, которого называли овцой, потому что Мария, обычно не слишком чуткая, решила меня утешить.

– В молодежном сленге «овца» – это очень оскорбительное слово, – сказала она. – Но ты, Лиза, относись к этому как Сократ. Сократ относился к оскорблениям с полным спокойствием. Однажды он получил от какого-то человека пинок в зад. Но он не обратил на это никакого внимания. А когда его спросили, почему он не стал подавать в суд, Сократ ответил:

«Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» Поняла?

Мы с Женей лежали в нашей крошечной комнатке, каждая на своей кровати, друг напротив друга, как сардинки в банке.

– Не огорчайся, девочки просто не расслышали или неправильно поняли... – сказала Женя. – Ты самая лучшая, самая красивая, умная...

– Спасибо на добром слове, – тоненько сказала я. – Но я и не думаю огорчаться. Как ты думаешь, я похожа на овцу?

Я вскочила с кровати и подошла к зеркалу.

Женя бормотала что-то нежное и сладкое про мою необыкновенную красоту и выдающийся ум, а я пристально смотрела на свое отражение – не похожа, несколько не похожа! И вдруг у меня в зеркале выросла шерсть, появились рожки, лицо превратилось в овечью глупую мордочку, и я проблеяла «бе-е-е»... Да, похожа. Конечно, ему не следовало тратить на меня время...

Я горестно рассматривала себя в зеркале и расстраивалась, но самоуважение – это такая вещь, которая восстанавливается быстрее всего. Уж лучше вообще не иметь мозгов, чем находить им такое дурное применение – представлять себя овцой!.. Так что после нескольких минут депрессии я пришла к утешительной мысли: никакая я не овца!

Я не заслуживаю его внимания, а этот чужой высокомер-

ный человек не заслуживает моего внимания! Пришел, увидел, оценил... По тому, как Сергей говорил, двигался, как автоматически пропустил вперед женщин, было понятно, что он с детства хорошо воспитан, но отчего-то не удостаивает нас проявить свое хорошее воспитание. Он с любопытством рассматривал наш дом, участок и нас как часть неживой природы и как будто тут же решил, что все это не стоит интереса. Фу, какая у него неприличная манера разглядывать человека, как будто тщательно изучать его перед тем, как съесть или отбросить в сторону! Правда, мне показалось, что и Алина им тоже оценена.

– ...Знаешь, Сергей действительно смотрел на всех нас немного свысока, но зато Вадик очень добрый, и у него... у него нежная душа, – вдруг совершенно несонным голосом сказала Женя. – Вадик похож на маленького мальчика, которому все время нужна защита, поддержка. Не смейся, так бывает, что человек тебе понравился с первого взгляда...

Не такая уж я разнузданная, сексуально озабоченная девица, и я, конечно, знаю, что настоящая любовь основана на уважении, на восхищении человеческими качествами, а не на сексе, но разве с первого взгляда могут понравиться душа, ум, характер?.. С первого взгляда человек понимает только одно – возможно иметь сексуальные отношения с этим партнером или нет.

Честно говоря, я совершенно разочарована в сексе. Мне кажется, что роль секса в жизни сильно преувеличена. По-

моему, это всегда одинаково, сначала как будто тебя любят и как будто ты любишь, а потом выходит, что все это как будто, а на самом деле ничего нет.

Я бы хотела поговорить с кем-нибудь обо всем этом, но мне не с кем. Если ты с кем-то очень близок, то совершенно точно знаешь одно – о чем говорить нельзя. С Женей абсолютно невозможны любые разговоры на тему секса.

Женя у нас викторианская барышня, девственница в свои двадцать четыре года, для нее секса нет, потому что она не встретила любовь всей своей жизни. Женя создана для первой брачной ночи, перед которой нянюшка расскажет ей, что теперь ей придется подчиняться странным мужским желаниям, для ночной рубашки в кружевах, застенчивого румянца и чудом появившегося через девять месяцев младенца.

Лидочка, напротив, только и болтает о сексе, – интересно, что думает по этому поводу мама. Лидочка познает мир сама, а Мария чужими руками, Лидочкиными. Мария интересуется сексом как исследователь, а сама еще даже не целовалась, ее посланец в реальном мире – Лидочка. Страшно представить, какие разговоры ведет эта парочка, – однажды я слышала, как Лидочка рассказывала Марии о преимуществах орального секса, а она слушала как лекцию.

– Я бы хотела встретить такого человека, как Вадик, только чтобы он не был богатым, – сказала Женя. – Но мне негде... у нас в поликлинике совсем нет мужчин.

Любая бы на ее месте подумала, что симпатичный сын

нефтяного магната с нежной душой – это не совсем то же самое, что ее коллега по районной поликлинике. Разве это плохо – богатство или хотя бы обеспеченность? Каждая девушка хотела бы, чтобы ее дети чувствовали себя в безопасности, жили в хорошем доме, получили хорошее образование, хотела бы красивой одежды, путешествий. Но не Женя. Ангелам не залетают в голову неангельские мысли.

Женя приподнялась на локте – розовое личико в золотом облаке.

– Я сейчас тебе кое-что скажу. Это, наверное, стыдно, но я... Я очень хочу выйти замуж.

Если мы тут же не вскочили, не бросились друг к другу, не проговорили всю ночь напролет, а просто замолчали, то лишь потому, что я хорошо знаю свою сестру. Что нового может сказать человек, с которым всю жизнь ночами лежишь рядом, как сардинки в банке?

– Что же стыдного в том, что ты хочешь выйти замуж? Это естественное желание – иметь семью, детей... – скучным голосом сказала я.

Моя сестра с шестнадцати лет заглядывает во все коляски, и не удивлюсь, если она тайком играет в куклы. Женя не требует от мира процентов за свою красоту, она у нас девушка с романтическими понятиями, но ей не нужна любовь сама по себе, например несчастная любовь, или сложные отношения, когда не можешь быть ни вместе, ни врозь, или непреодоли-

мая страсть. Женя хочет не большой романтической любви, а маленькой и счастливой любви, которая быстро закончится свадьбой. Она хочет всего хорошего, мягкого и пушистого – чтобы у нее был свой дом, свой мужчина, свой ребенок.

– Я очень хочу ребенка, – мечтательно проговорила Женя. – Но дело совсем не в этом...

– Ну тогда что, что? Тебе неприятно, что ты не принесла маме на блюдечке суперудачный брак? Нет, не это? А что тогда? Не скажешь? Секрет? – нетерпеливо спросила я.

– Неужели ты не понимаешь? – смущенно проговорила Женя. – Ну, хорошо, я скажу. Статус. Статус замужней женщины.

Ох... ну... никогда не знаешь до конца даже самого близкого, даже свою сардинку в банке! Ангел Женя хочет иметь статус замужней женщины... Она имеет в виду, что хочет иметь статус в обществе?

– Ты хочешь быть женой преуспевающего человека? – осторожно спросила я.

– Нет, совсем не то. Ты не поняла. Если ты замужем... Если ты замужем, значит, тебя уже выбрали, – прошелестела Женя, уткнувшись в одеяло, так тихо, что я едва расслышала. – И пожалуйста, не говори больше об этом.

Что? Если ты замужем, значит, тебя уже выбрали?.. Глупости какие-то!..

Я не понимала. Не понимала, не понимала и вдруг поняла. ...Считается, что старший ребенок в семье вырастает

сильным и уверенным в себе, но Женя опровергала все теории о старших детях. Когда Женя была маленькая, она старалась держаться недалеко от мамы, мы так всегда и ходили – я впереди или в стороне, а Женя с мамой за ручку. Мне было не уговорить ее отправиться в большое путешествие за калитку – к ближайшей помойке или в лес: на помойке очень страшные кошки, а в лесу очень страшные деревья, и в любом месте, дальше, чем на шаг от мамы, подстерегают смертельные опасности.

Мы с Женей долго спали при свете – она боялась заходить в темную комнату. Боялась собак, грозы, бабы-яги и страшных сказок, а при грустных поворотах сюжета в сказках или мультфильмах плакала, – я иногда закрывалась с головой одеялом и кричала «у-у!», а она пугалась... На вопрос: «Ты же знаешь, что это я, чего ты боишься?» – Женя розовела и пожимала плечами. Но ведь она знала, что это я!

В школе Женя тоже боялась – контрольных, экзаменов, учителей. Когда ее спрашивали, она всегда отвечала гораздо меньше, чем знала, и знаете, почему? Ни за что не догадаетесь – чтобы ни в коем случае не быть лучше других. Кому еще может прийти в голову такая странная мысль?

Женя была «домашним» ребенком и «домашним» подростком. Ни компаний, ни поздних возвращений, ни конфликтов с родителями, ни выпавшей из кармана пачки сигарет или припрятанной бутылки мартини, и даже никаких перепадов настроения, – она была «хорошая», как будто специ-

ально вела себя так, чтобы ее не за что было ругать... И при этом Женя была уверена, что она «неправильная дочь». Ей казалось, что она не оправдывает родительских ожиданий: у отца должна была быть умная дочь, а у мамы – успешная.

Сейчас ангел Женя точно такая, как в детстве, ее так легко растрогать, она плачет в кино или над книгой, и даже от радости может заплакать – улыбается, а слезы текут.

Внешне Женя очень спокойная, у нее как будто приглушенный звук. Лидочка может беспричинно заразиться весельем, дурачиться, у нее или бурный восторг, или рыдания, а у Жени – тихая улыбка или тихие слезы. Кажется, что она и внутри такая же безмятежная, но я-то знаю, Женя все время беспокоится, нервничает – из-за такой ерунды! Боится обидеть, боится, что кому-то плохо... Когда мы были маленькими, мама давала нам рыбий жир. Лидочка орала «не буду!» и выбивала у мамы ложку из рук, Мария выдвигала научные доводы против рыбьего жира, я просто отворачивалась, а Женя безропотно глотала – иначе мама обидится.

Женя расстраивается, когда ей кажется, что к ней плохо относятся, – она очень зависит от одобрения окружающих. Если бы Женю назвали «овцой», она бы всю ночь думала: «Я не заслуживаю внимания... я и правда овца».

Вот такая наша Женя – как цветок: полиют – расцветает, забудут полить – вянет. На ее золотую прелесть оглядываются на улице, а из-за этой ее болезненной неуверенности в себе все ее романы – неудачные. Женя как будто ждала, что ее

бросят, вот ее и бросали.

...Мне стало так жалко Женю, так жалко... Она всего-то и хочет, чтобы ее выбрали.

Это как в детской игре, когда выбирают кого-то из круга – одного часто, а другого совсем не выбирают, и если тебя не выбирают, ты чувствуешь себя плохим, неправильным, негодным...

Я вдруг увидела Женину судьбу – как в кино. Никакого принца не будет и полупринца не будет. Выйдет замуж, как в сказке, за первого, кто посватается. Все-таки в мире нет порядка – ведь если кто-то и заслуживает счастья, то это Женя!

– Я бы хотела так выйти замуж, чтобы было как у наших родителей, – мечтательно сказала Женя. – Но ведь так не всем везет, правда?

Откуда у Жени могли возникнуть такие романтические иллюзии, если она изо дня в день наблюдает семейную жизнь наших родителей – отец с его исчезновениями у себя наверху, мама с ее неумением просто увидеть его. Женя уверена, что родители абсолютно счастливы. Иногда мне кажется, что быть таким подслеповатым ангелом, как Женя, – большая удача.

* * *

Прошло несколько дней, и мы уже знали о людях, посе-

лившихся в Доме, все – они и не догадывались, как много нам о них известно. Если бы они были знакомы с тетей Ирой, они могли бы, в свою очередь, все узнать о нас. Но во-первых, им было это неинтересно, а во-вторых, они не были знакомы с тетей Ирой.

Тетя Ира – мамина лучшая подруга. Можно было бы сказать, что их объединяет любовь к пересудам, но это не так, мама и тетя Ира не запойные сплетницы, они запойные психологи. Мама с тетей Ирой подробно рассматривают ситуации и поведение своих родственников и знакомых, проникают в их внутренние мотивы, анализируют и аргументируют, и эта доморощенная психология необходима обоим как воздух.

Сведения о наших новых соседях поступили нам от мамы, маме – от тети Иры, тете Ире – от ее племянника, агента по недвижимости, оформлявшего покупку Дома. В Лисьем Носу всегда найдется чья-то подружка или родственник, и мама всегда будет все обо всех знать, включая внутренние мотивы, а вместе с ней и мы.

Итак, Вадик. Вадик – хозяин Дома. Вернее, Дом купил его отец, купил, не торгуясь, за три миллиона долларов. Жители нашего поселка называют таких покупателей «люди в шапках». Эти люди из небольших провинциальных городков, например Сургута или Нефтеюганска, действительно носят меховые шапки – сказывается привычка к холоду или же у них такая мода. Отец Вадика, торгующий не то нефтью, не то

металлами, показался агенту очень жестким и совершенно необаятельным человеком. Он не собирался жить в Лисьем Носу, эта покупка была для него просто хорошим вложением денег – не потому, что земля и дом еще подорожают, а потому, что денег у него слишком много, а земли на заливе слишком мало. Отец велел Вадику обжить приобретение, вот он и приехал, а сколько проживет, пока и сам не знает.

Другие сведения, более интимные, поступили от тети-Ириной племянницы, которая приходила убирать Дом: отец посылал Вадика учиться бизнесу в Лондон, но сынок особых способностей к учению не выказал. Мальчик он послушный, милый, добрый, не балованный, хотя звезд с неба не хватает – да и зачем ему, при таких-то деньгах? О сестре Вадика у тети-Ириной племянницы особых сведений не было: девица как девица, как все сейчас, но держится важно и капризничает насчет еды, и пальцем проверяет, хорошо ли пыль вытерли.

Насчет друга хозяина ни агенту, тети-Ириному племяннику, ни тети-Ириной племяннице ничего неизвестно, кроме того, что он состоит при Алине и Вадике – ей он жених, а ее брату – друг или вроде того.

Фактические сведения были таковы, а в психологических выводах мама с тетей Ирой разошлись. Тетя Ира считала, что Вадик и Алина – типичные дети новых русских, он милый бездельник, а она заносчивая бездельница. Мама, многозначительно покачивая головой, говорила, что все не так

примитивно, намекая на некие психологические проблемы в связи с их необаятельным отцом-нефтемагнатом.

Глава 3

Мама ходила с торжествующим, хитрым и значительным лицом, какое бывает у человека, когда жизнь подтверждает его правоту или когда его самые смелые мечты неожиданно начинают сбываться. У нас образовалась тесная связь с Домом – пылкая, совершенно неожиданная дружба Алины и Жени.

Совершенно неожиданная дружба Алины и Жени была делом маминых рук. Нехорошо интриговать и подстраивать, но не она первая совершает несколько маленьких неблагоприятных поступков ради большого светлого будущего. Я имею в виду, что мама интриговала ради Жениного счастья.

Как-то дождливым вечером мама встретила Алину... собственно говоря, она встретила Алину, стоя за занавеской в нашей с Женей комнате. Мама стояла за занавеской, рассматривала соседний участок и вдруг пробормотала себе под нос:

– Алина! Вышла на крыльцо. Лицо печальное. Раскрывает зонтик.

Алина с печальным видом пыталась открыть зонтик, и мама... я уже говорила, что наши дома расположены так близко, что если открыть окно в нашей комнате, то можно перекрикиваться с соседями, даже не слишком повышая голос... И мама открыла окно и крикнула:

– Добрый вечер! Как себя чувствуешь?!

Обернувшись к нам, мама заговорщицки сказала:

– Сейчас Алина пожалуется на скуку, я посоветую ей позвать в гости Женю, Женя и Алина непременно подружатся!.. Ну, подойди к забору, подойди, подойди! Скажи: «мне скучно»!.. Скажи, скажи, скажи!

– Мама, я и не знала, что ты умеешь двигать предметы на расстоянии, – пошутила я. – Но зачем тебе Алина?

– Не мешай, – отмахнулась мама и опять забормотала: – Скажи: «мне скучно», скажи...

– Ску-учно, мне ску-учно, – пожаловалась Алина, подойдя к забору. – Знакомых в Питере у меня нет, мои мужчины уехали по делам, смотреть фильмы одной грустно... Вызвала такси, еду в город к косметологу, ужасно лень...

– Женя окончила курсы по косметологии, она отлично умеет делать косметический массаж и все остальное. Попроси ее, она не откажет, – сказала мама и подозвала Женю к окну: – Женя, иди сюда. Ты ведь не откажешь, правда?

– Сколько стоит? – деловито спросила Алина.

– Она не берет денег с друзей... – с достоинством ответила мама, придерживая Женю за руку.

– Да? А мы друзья, – обрадовалась Алина. – Тогда я отпущу такси...

На следующий день Алина сказала мне через забор:

– Твоя сестра ничего, приятная, и массаж делает неплохо.

Может, надо было ей заплатить?.. Но мы же соседи.

Алина и Женя скоротали вдвоем несколько вечеров: Алине хотелось валяться на диване с маской на лице, болтать, смотреть фильмы и обсуждать отношения с Сергеем. Женя умеет слушать, а Алине был нужен слушатель – она была влюблена.

На мой вопрос Жене, зачем ей после работы приходиться к чужому человеку и делать ему массажи и маски, Женя удивленно улыбнулась:

– Как зачем, как к чужому? Мы же дружим.

Дружить с Женей очень приятно – она мягкая и безопасная, она будет вникать во все мелочи чужой жизни, восхищаться, изумляться, сопереживать. Дружить с Алиной, по моему, не так приятно, но если Жене нравится...

Мама уже начала планировать следующий ход – теперь она собиралась поближе познакомиться Вадика и Женю, но судьба сделала следующий ход за маму.

...Вчера вечером Лидочка пригласила себя в ресторан.

– Я уезжаю в ресторан! Знаете, какая машина?! Audi Q7, круто! Что мне надеть? – возбужденно кричала Лидочка, вертясь как волчок по дому. – Так, девочки, быстро! Женя, где твоя лакированная сумочка, и дай мне твою заколку, быстрее!.. Ах да, чуть не забыла, они тебя тоже пригласили...

Оказалось, что, подходя к нашей калитке, Лидочка уви-

дела отъезжающую от ворот Дома машину и не постеснялась подбежать и спросить, куда они едут.

– И слово за слово Сергей сказал: смешная девчонка, она нас развлечет, пускай едет с нами! Так и сказал, пускай едет с нами, – захлебывалась Лидочка. – И мы с ним заодно решили взять в ресторан Женю, а про Лизу и Марию он ничего не сказал, ха-ха-ха...

– Я бы и сама не поехала, а priori понятно, что неприлично навязываться, – обиженно пробормотала Мария. – А тебе, Лидочка, это должно быть понятно хотя бы a posteriori – из чужих наставлений. Мама, скажи ей, что это неприлично!

– Да-да, Мария, безусловно, права, это неприлично, – подтвердила мама. – Женя, скорей беги одеваться!..

– Мама! Об этом не может быть и речи!.. – возмутилась Женя и тут же, устыдившись своей резкости, покраснела. – Лидочка, как тебе не стыдно принимать приглашения мало-знакомых людей да еще нас в это впутывать... Немедленно пойдись извинись и скажи, чтобы тебя не ждали!.. Мама, ну что же это? Неужели ты действительно думаешь, что я выйду к ним наряженная, как будто меня можно вызвать свистком?!

– Конечно, да! Конечно, нет! Не путай меня! – воскликнула мама. – Главное, не заказывай слишком простые блюда, чтобы они не подумали, что ты не разбираешься в этикете... На горячее лучше бери рыбу, рыба как-то изящней, чем мясо... Женя, ну что же ты стоишь, быстро одевайся!

Мама встала перед Женей в домашней позе «руки в боки» – я знаю эту ее позу, она означает «или ты сделаешь, как я сказала, или я тебе покажу!». Женя заплакала и закусила губу, – я знаю это ее выражение лица, оно означает «ни за что, лучше умру». Бедная Женя!

Я закрыла глаза и ясно, как будто смотрю фильм, кадр за кадром, представила, что произойдет в следующую минуту: Вадик открывает дверь машины, выходит из машины, открывает калитку, идет к дому... Я открыла глаза – все те же, никакого Вадика. Я снова зажмурилась, сосредоточилась, представила: Вадик открывает дверь машины, выходит из машины, открывает калитку, идет к дому, говорит: «Женя, может быть, вы...»

Через минуту раздался стук.

– Женя, может б-быть, вы... то есть, может б-быть, мы... Женя, Лиза, в общем, как насчет... Мы едем в город... хороший ресторан... – бормотал Вадик. – Это на В-Васильевском, так что вот... мосты... Я хочу сказать, мосты разводят, так что не п-поздно вернемся... Женя, Лиза, п-пожалуйста, п-поедем с нами!

Мама ласково улыбнулась, незаметно ущипнула Женю и мгновенно переменяла имидж с «я тебе покажу» на имидж заботливой снисходительной матери – как она могла одновременно менять имидж, щипать и улыбаться?

Пока мы переодевались, мама провела с Вадиком свою фирменную беседу по душам. За те несколько минут, что

нас не было, она наверняка успела выпросить его про его первую учительницу, первый поцелуй, первый миллион...

Мы все трое оказались в черном. Я – в романтическом платье с низкой талией с воротничком из белых вязаных кружев, Лидочка в маленьком черном платье, не том, что «должно быть в гардеробе каждой женщины», а таком маленьком, что его почти не видно на теле, зато видна кружевная резинка чулок, и Женя – в пышном бальном платье со шлейфом... Нет, конечно, нет, а жаль, ей бы подошло жить в девятнадцатом веке... Женя была в черных брюках и черной кофточке из «Манго», в золотых волосах черная бархатная лента.

– Сексуально? – покрутилась перед нами Лидочка и сама себе ответила: – Очень сексуально.

– Сексуально, – подтвердила мама и заговорщицки кивнула Вадику на Женю: – Красавица, правда?

Вадик растерянно улыбнулся. Вид у него был как у всех, кто ненадолго остается с мамой наедине, – смущенный и немного ошарашенный.

– Не поздно, не рано, не ведите машину быстро, не простудитесь на сквозняке, – подталкивая нас к калитке, бормотала мама, как будто мы, трое в черном, ангел Женя, сексуальная Лидочка и я в воротничке из белых вязаных кружев, уезжали не на Васильевский до сведения мостов, а в кругосветное путешествие.

– А в машине пять мест. А нас шестеро, – заметила Лидочка, когда мы подошли к машине.

Мы с Женей хором сказали: «Я не поеду»... Но в этой машине было семь мест.

Лидочка рассчитывала на роскошный ресторан, и пока мы поднимались по обычной лестнице обычного дома, недовольно морщилась и ворчала себе под нос: «Как будто нормальных мест мало, спросили бы меня, если не знают», – но, услышав, что это закрытый ресторан, повеселела.

На двери квартиры, единственной на площадке, было множество звонков, как раньше в коммуналках, и висел шнур, как хвост у Иа-Иа, за этот хвост и нужно было дергать, но у Сергея был ключ, которым он и открыл дверь. Хорошая идея – дать посетителям ключ, как будто они приходят к себе домой.

– Сюда только своих пускают? А мне дадут ключ? – верещала Лидочка. – Ой, а тут музыки нет, только два каких-то тухлых скрипача... а как же я буду танцевать?.. Лучше бы вы меня спросили, я знаю одно прикольное место, там поют караоке...

В единственном зале, похожем на просто комнату, стояли столы, покрытые белыми скатертями, по стенам были развешены черно-белые фотографии.

– Никакого гламура, – разочарованно вздохнула Лидочка и, заглянув в меню, засмеялась: – Фу, здесь дают сырники, яичницу... Может, пойдём отсюда?

– А вам, Женя, вам т-тоже не нравится? – волновался Ва-

дик. – Где вы обычно б-бываете?

Женя мягко улыбнулась:

– Мне здесь очень нравится. Я никогда не была в закрытом ресторане. Снаружи обычная квартира, а внутри так красиво.

Алина довольно улыбнулась и громко прошептала Сергею:

– Милая девочка, простая, бесхитростная, ничего из себя не изображает, она мне ужасно нравится.

Алинины слова звучали немного пренебрежительно, как будто она звезда, которой приходится смотреть самодеятельность в деревенском клубе, и она старается быть снисходительной и приветливой. Но, в конце концов, она же не хотела, чтобы ее услышали. Тем более с самой Женей она обращалась совсем не так, как говорила о ней. Я часто замечала, что мы можем насмешливо отзываться о ком-то, но когда мы говорим с этим человеком, мы уже относимся к нему иначе, лучше. Всегда есть влияние человека, а от Жени исходят такое искреннее непонимание плохого и такая доброта, что даже Алина не может не относиться к ней с восхищением. Женя – достойный человек, естественный, как лен или хлопок, человек, который боится всего – проехать без билета, узнать у прохожего адрес, громко высказать свое мнение, но нисколько не боится того, чего обычно боятся все, – что он не там работает, не так одет, не так развлекается и вообще не в курсе.

Я не такой достойный человек, как Женя, я часто стесняюсь показаться наивной, неопытной, несветской, но тоже не стала притворяться, что я бывалый посетитель закрытых ресторанов, – это дурной тон. Я имею в виду не врать дурной тон, а краснеть, когда твое вранье раскроют. Я почти никогда не вру – из гордости.

Меню в этом ресторане было замечательное: котлеты с пюре, гуляш с гречневой кашей, и даже паста называлась «макароны», как будто это домашняя еда у мамы на кухне. В меню не были проставлены цены, как бывает в по-настоящему дорогих местах, где посетителям безразлично, сколько стоят их пюре или гуляш с гречневой кашей. Поэтому Лидочке не удалось последовать маминому совету и заказать что-нибудь подороже, и она просто заказала все, что любит – винегрет, холодец, селедку под шубой, салат оливье, куриные котлеты, мороженое, торт, фрукты и два мохито...

– У меня волчий аппетит, – пояснила она.

Пока Лидочка перечисляла все, что она хочет, Сергей едва сдерживал улыбку, Алина смотрела на нее с легким неудовольствием, как на невоспитанного щенка, Женя краснела, Вадик любовался Женей, а я всерьез задумалась – уж не подменили ли нам Лидочку в роддоме? Воспитывали нас одинаково, никто не нашептывал Лидочке на ночь: «Расти большой и нахальной...» Откуда у нее волчий аппетит к мохито? Неужели наша Лидочка – подкидыш?..

– Нет, лучше сразу три мохито, – попросила Лидочка.

А может быть, Лидочка – внебрачная дочь, дитя греха. В этом случае главное – не признаваться родителям, что мы разгадали их тайну, а дитя греха жалеть, кормить и не подавать виду, что оно чужое в семье...

Этими глупыми мыслями я развлекала себя весь вечер, потому что больше мне делать было совершенно нечего – не считая, конечно, шницеля с жареной картошкой, который я заказала назло маме, хотя больше люблю рыбу.

Несколько раз за вечер к нам подходил официант поинтересоваться, все ли хорошо с нашим заказом. Мне он сказал: «Ну, вас я не спрашиваю, я и так вижу, что вы довольны».

Я быстро подняла глаза – наискосок от нашего стола стоял старинный буфет с зеркалом, – в зеркале я действительно выглядела чрезвычайно довольной.

Но я была счастлива вовсе не шницелем с картошкой.

Женя с Вадиком сидели в нише на диване и как будто выпали из общего пространства и общего разговора. Наверное, модный ресторан – это не то место, где мгновенно вспыхивает настоящая любовь, и теперь, после этого ресторана, только смерть разлучит Вадика и Женю... Наверное, в прошлом Вадика было все, что ему полагалось иметь в прошлом, – красивая жизнь, курение травки в колледже, брошенные цветочницы. Но выглядел он совершенно как влюбленный мальчик в детском саду!.. Женя улыбалась, и Вадик улыбался, Женя серьезно взглядывала на него, и он тут же становился серьезным. А во время десерта Женя покраснела и как будто при-

встала, собираясь уйти, – прохладно-вежливую Женю нельзя якобы случайно обнять, – и Вадик тут же виновато улыбнулся, покраснел и украдкой дотронулся до ее руки.

По другую сторону стола в такой же нише на диване сидела вторая парочка, Сергей с Алиной, а мы с Лидочкой оказались лишними. Я молчала, за весь вечер я произнесла одну фразу: «Я не буду десерт», – и обдумывала вторую: «Спасибо за приятный вечер», а Лидочка пыталась вмешиваться в разговор Вадика с Женей, но они ее не замечали. Обиженная Лидочка сделала вид, что переглядывается с кем-то за соседним столом, – улыбалась, подмигивала и кокетливо поднимала бокал. Я оглянулась – за соседним столом сидели две пожилые женщины, и ни одна из них и не думала переглядываться с Лидочкой.

Алина вела себя с Сергеем, как будто он ее законная собственность: он предпочитает рыбу мясу, никогда не ест гарнир, сегодня очень крепко спал, она еле его разбудила, надел зеленую рубашку вместо голубой, той, что она ему приготовила. Сергей небрежно кивал и, не извинившись, выходил разговаривать по телефону. Мне было жаль Алину: она была так очевидно влюблена, а он так очевидно не влюблен...

– У него достаточно бабла, чтобы купить все акции, – возвращаясь к столу, сказал Сергей в телефон и, нажав отбой, улыбнулся мне: – Вы так сморщились, Лиза, как будто видите перед собой какую-то гадость...

– Мурло добыло бабло – повезло... – пробормотала я. –

Простите... я не о вас, а о русском языке. Не люблю это слово.

– А по-моему, нормальное слово, – раздраженно возразила Алина. – По-моему, кое-кто умничает и старается показаться особенной.

– Ты думаешь, умные и особенные не любят слово «бабло»? – с сомнением повторила я. – Возможно, ты права, умные и особенные не любят слово «бабло».

Сергей хмыкнул и перевел взгляд с меня на Алину, с Алины на меня, как будто мы две кобылки и гарцуем на манеже, показываем ему себя, а он сейчас поставит нам оценку.

– Чем вы занимаетесь, Лиза? – спросил Сергей.

– Я пишу... – расплывчато сказала я.

Когда я сообщаю, что именно я пишу, люди сразу же говорят «о-о!» и больше уже ничего не говорят.

– Роман? – настаивал Сергей.

– Диплом. На кафедре «Теория вероятности и математическая статистика», мой диплом называется «Специальная теория относительности и релятивистская астрофизика», – тонким голосом сказала я.

– Бр-р, – поежилась Алина. – Ты не обижайся, но это как-то не женственно... Я, например, изучаю дизайн. Если что, дизайн всегда пригодится – дом обставить, бутик открыть... Почему ты не хотела стать... ну, кем все, бухгалтером, менеджером или еще что-нибудь конкретное? Есть же какие-то профессии, которые подходят девушкам из бедных... я хочу

сказать, девушкам. Не можешь же ты всерьез интересоваться этим, как его... Ты что, такая умная, Лиза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.